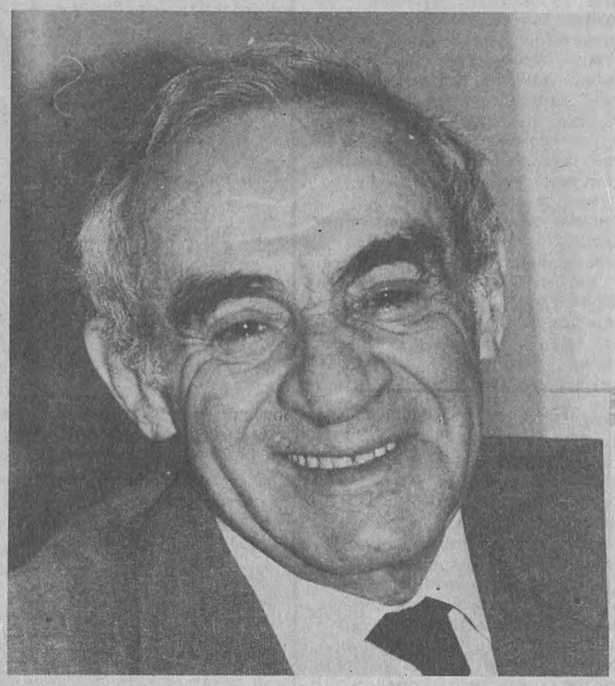
СМ. - Рига. - 1992. - 8 янв.



Дверь открывает жена Зиновия Гердта Татьяна Александровна. Прихрамывая, выходит сам Зиновий Ефимович и, обращаясь к нам: «Господа», приглашает пройти в гостиную, освещенную одной лишь огромной настольной лампой. Гердты ужинают. Мы пока еще чувствуем себя неловко. Но сейчас начнем разговор, и все станет на свои места...

Гостиная "СМ"

Зиновий ГЕРДТ: «Добро должно быть анонимно»

- Как начинался мой путь в искусстве? По образованию я слесарь-электрик. Окончил ФЗУ - фабрично-заводское училище, в котором был ТРАМ - театр рабочей молодежи. Меня позвали в ТРАМ, и я приглашение принял. В качестве руководителей туда пришли два взрослых человека: Алексей Николаевич Арбузов и Валентин Николаевич Плучек. Потом уже была театральная студия, совместно сочиненная пьеса "Город на заре". И все было бы прекрасно, но началась война...

Мы пошли на войну. Меня ранило. И о театральном поприще надо было забыть. Это было очень печально. Но однажды в госпитале я увидел выступление кукольного театра. Я подумал: там есть ширма, а за нею не видно, как ходят актеры. И после госпиталя я пришел в кукольный театр к Образцову. Здесь я прослужил тридцать шесть лет. В 82-м ушел.

В качестве конферансье выходил пять тысяч раз. М-да... Это ошеломляющая цифра, с одной стороны, а с другой - я могу заверить вас и публику, что никогда мне не было скучно играть конферансье. Никогда! Потому что каждый день находилась какая-то новенькая черточка, фразочка. Там была масса отсебятины, своеволья, импровизации. Что-то закреплялось, что-то уходило - в связи со злободневностью, временем, которое менялось. И всегда было интересно играть.

- А было ли когда-нибудь вообще скучно работать?

- Нет, этого я не могу сказать. Всегда хотелось играть! И это еще оттого, что у меня были выходы на стороны - кино, радио, телевидение. Я был задействован достаточно плотно. Я как-то вырвался из-за ширмы. Но навсегда ширму не покидал. Это было святое! И съемки - всегда в свободное от спектаклей и репетиций время. В театре же и ревновали, и не отпускали! Но я не занимался делом, которое могло стать однообразным. К тому же к кино я относился весьма строго, потому что (могу вам сказать, так как сейчас наступает время, когда надо говорить правду, хотя всегда надо говорить правду, но не всегда мы это делали) уже было и м я, которое каждый день надо поддерживать и оправдывать. Оправдывать какую-то приверженность публики, чтобы не огорчать ее. Я знаю, что если я люблю человека - например, какого-то политического деятеля, мне бывает досадно, когда у него случаются ошибки, промашки. Но я его оправдываю, потому что я - пристрастный человек. Но когда это длится и длится, я начинаю его разлюбливать. И могу разлюбить окончательно! Я огорчаюсь...

- Мы скачем! От культуры - к политике...

- Этот неудавшийся переворот опять чрезвычайно повернул меня к Горбачеву, потому что он был в несчастном положении, а всякое несчастье вызывает сочувствие. Тем не менее я жутко огорчился тем, что его первые слова были не "Спасибо, ребята!". Ведь первые его слова должны были быть словами благодарности! Благодарности людям, которые поставили свою жизнь под абсолютную пропажу, абсолютную угрозу. Но они все-таки выручили своего президента, как бы они к нему ни относились. Я не уверен, что Ельцин так уж возлюбил Горбачева после всего того, что тот с ним сделал. Но Ельцин понял: человек в несчастье, и его надо выручать. Есть простые человеческие объяснения всякому сложнейшему процессу. И я вообще за такие объяснения народу, потому что я тоже народ, я - публика. Я должен знать правду. Я должен знать простые вещи. Так вот, попростому, я хотел бы, чтобы Горбачев сказал: "Спасибо. Вы меня выручили. Я ошибался. Я подобрал себе очень дурную компанию".

Надежд на лучшую жизнь сейчас становится все меньше и меньше. Культура стоит на самом последнем месте! А это гибельно для общества. А сейчас такое время, что люди могли бы смириться с отсутствием колбасы, если бы были задеты за живое духовным... Но надо задеть за живое! А время уже упущено. Эти шесть лет мы занимались не тем. Мы, например, совершенно не знаем, что такое правовая культура. Вы думаете, что американцы духовнее нас? Да ничуть! Но у них есть правовая культура. Они знают, что они защищены законом. И чуть что - "Я - к своему адвокату!" Они защищены Конституцией со всех сторон. Хотя там очень много говорят о деньгах и сексе, но это будет грубо сказано - американцы бездуховны...

В мае этого года мы с женой были в Вашингтоне, в Кеннеди-центре, где Ростропович на столетие Прокофьева играл три концерта. Он сам все это организовал. И устроители в антракте говорили: "Слава! Это все - Слава!" Его там никто Ростроповичем не зовет. И он единственный с именем, без фамилии. И был трехтысячный зал. Разные совершенно люди. Но я нигде не видел ничего подобного - единение в духовном порыве трехтысячного зала. Видимо, такое мы испытывали только на баррикадах. И молодые люди, которые сейчас приходят в жизнь, в августовские дни поняли, что они могут потерять.

- Зиновий Ефимович, вы были на баррикадах?

- Нет, меня не пустили. Я рвался, но я бы и не выстоял там - у меня уже сердце не то, и ноги... Все было ужасно - словно просто кончается жизнь. И я думал: о самоубийстве. Хотя я не имею на то права: от меня зависит довольно большое количество людей. Не в экономическом смысле даже (хотя и это тоже присутствует), а в душевном.

- В августе на сей раз обошлось... Что-то еще ждет Россию?

- Действительно, "умом Россию не понять!.." А с другой стороны, хватит уже - "таинственная русская душа!" Ерунда! Непорядок во всем. Нету человека, которого нельзя было бы купить. Нету! Хотя я знаю нормальных русских людей, которых купить просто невозможно! Ничем! И неужели Горбачев не понимал, что перед ним Сахаров стоит?! У которого было три премии - и он отдал их на строительство онкологического центра. Но Горбачев не мог понять это! Хотя сам, заработав огромные миллионы на издании своей книжки, отчитался перед народом: вот сюда - 50 миллионов, сюда и сюда. До копейки рассчитал, как он все отдал! И прекрасно, что он раздал свои миллионы. Но хорошо было бы, если бы я узнал об этом окольными путями, из шпионских источников. Это было бы в десять раз ценнее! Потому что это - опять же забота о себе. Однажды один мой бывший сослуживец рассказал, как он подарил нищей иностранной переводчице, очень хотевшей попасть в Москву, тысячу лей. Я ему сказал: "По-моему, вы сделали прекрасную вещь. Единственное, что плохо, - вы мне об этом рассказали". Добро должно быть анонимно. Человек должен совершать добро точно так же, как ест, как спит. У Пастернака есть строчки: "Уходит с Запада душа, Там нечего ей делать..." Русский интеллигент - это высочайшая проба! И творить добро - эгоистичное чувство: тебе хорошо оттого, что ты кому-то сделал хорошо.

- Зиновий Ефимович, жизнь вам подарила знакомство со многими замечательными людьми. Причем известность - далеко не главное! Не расскажете ли вы о ком-либо из своих близких друзей?

- У меня есть такой друг - Владимир Иванович Зенков. У Володи и у его жены Эммочки просто врожденный кодекс чести, порядочности! У нас ведь какой критерий? - "Я бы с ним пошел в разведку!" А я бы с Володей не пошел, потому что он будет мало думать о деле, а больше о том, чтобы мне было удобно в этой разведке! Он все свои душевные усилия потратит на меня. И это при том, что от меня он никаким образом не зависит! Конечно, он может на меня рассчитывать - я расшибусь, но сделаю! Однако Володя же не попросит. И я не прошу, но он предугадывает мои нужды. И, конечно, в старости надо иметь таких защитников. Это удивительный оплот в моей жизни! Прекрасные люди, без пятнышка.

- Зиновий Ефимович, за что мы ценим друзей?

- Я думаю, это корыстно. Во-первых, очень хорошие люди оставляют неприятный осадок в твоей душе - оттого, что ты таким не можешь быть. Всегда перед тобой предмет видимой недоступности! Да и профессия у меня такая, что естественность - самая труднодосягаемая грань моего поведения.

- Зиновий Ефимович, счастье - в чем?

- А если изменить вопрос: счастлив ли я? Нет. Хотя это, конечно, звучит нагло и кокетливо, но это чистая правда. Я глубоко несчастлив, потому что только я один знаю пропасть между тем, кем я слыву, и тем, что есть на самом деле. И это меня гложет, съедает, не дает уснуть. Вроде бы: уж кто состоялся, как не я? Все у меня есть: звания - любые, приятие публики - повсеместное! Чего я рвусь? На что еще жалуюсь?.. На улице люди кланяются. Самые главные конфликты - в очереди за водкой: я стою, а мне предлагают пройти без очереди. Но я не могу это сделать!.. Да, бывают поступки, за которые я прекрасно к себе отношусь. Но так, чтобы себя возлюбить, не потяну. Я не потяну на мою любовь ко мне. Вот это и делает меня глубоко несчастным. Я понимаю свое несовершенство. Хотя я, в общем, ничего дурного специально не делаю... Биография - нормальная. Большой дом. Автомобиль. И дача в тридцати минутах с зимним домом. Все есть. Но не в этом дело.

Ведь даже то, что вы приехали за интервью, - еще одно свидетельство внешней моей благополучности. И противиться этому нелегко. Я слыву кем-то таким прекрасным, хотя совсем не прекрасен ни на деле, ни в жизни.

- Зиновий Ефимович, вы сказали, что очень влюбчивы. Может быть, вы вспомните свою первую любовь?

- Ой, да! Она незабываема... Но зачем же? Это интимное чувство. Зачем же будем говорить на всю страну Латвию о таких подробностях? Рассказать вам мои латвийские романы? Ну, что вы!

- А за пределами Латвии?

- Нет такой страны в мире, где не было бы таких романов. Но без жгучих последствий, конечно. Это все так легко, красиво, романтично.

- Может быть, тогда вы подскажете, любовь - что это за чувство?

- Ой-ой-ой! Это мучительное и великое чувство. Однако я вам скажу, что дружба - величественнее, чем любовь. Это вот Татьяна Александровна открыла (жена З. Гердта. - Ред.). Потому что любовь бывает без взаимности, а дружба без взаимности не бывает.

- Говорят, в мужчине ребенок живет до последних дней. А в женщине такого нет. Это правда?

- Могу вам сказать: иногда во мне проглядывает взрослый... А вот в женщине нет. Но это уже другое анатомическое устройство: это ангелы, небожительницы.

- Так лучше быть ребенком или ангелом?

- Это почти одно и то же, мне кажется...

С Зиновием Гердтом встречались Катерина Серова и Сергей Шапран.

Москва - Рига.